

# Николай Федоровичъ Федоровъ

(1828-1903).

(ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ)

«Кто этотъ мыслитель, мысли котораго Вы передали? Онъ слишкомъ заинтересовалъ меня. Затѣмъ скажу, что въ сущности совершенно согласенъ съ этими мыслями» (Ф. М. Достоевскій, по полученіи письма съ изложеніемъ мыслей Н. Ф. Федорова).

«Я горжусь, что живу въ одно время съ подобнымъ человѣкомъ» (Л. Н. Толстой о личности Н. Ф. Федорова).

Имя Николая Федоровича Федорова начинаетъ повторяться все чаще и чаще. Его ученіемъ начинаютъ интересоваться, изучать, комментировать.

Смѣлое утвержденіе, что человѣчество должно овладѣть стихійными, природными силами и, организовавъ ихъ, осуществить полное и окончательное преображеніе космоса, побѣдить смерть черезъ «воскрешеніе» всѣхъ жившихъ до насъ «нашихъ отцовъ» въ широкомъ смыслѣ этого понятія — недавно казавшееся слишкомъ мечтательнымъ и фантастичнымъ — въ свѣтѣ новыхъ открытій пріобрѣтаетъ очарованіе возможной задачи.

Н. Ф. Федоровъ въ своемъ ученіи исходилъ изъ воскресенія Іисуса Христа. Связь Христова воскресенія съ крестомъ и Голгофою, искупительный смыслъ Христова воскресенія не раскрылся для Федорова, со своею силою. Грѣхъ для него прежде всего и больше всего — недостаточность сознанія, точнѣе — недостаточность знанія. Поэтому ему казалось, что всеобщее овладѣніе знаніемъ, соединенное съ примѣненіемъ достигнутаго для организаціи, покоренія природы — приведутъ къ преобразенію міра. Въ этомъ

отношеніи ученіе Н. Ф. Федорова до конца натуралистично. Задача спасенія для самого Н. Ф. Федорова была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ его пониманіемъ литургіи. Она для него — продолженіе литургіи, «внѣхрамовая литургія». Но эта связь скорѣе слѣдствіе глубокой религіозности самого творца системы, а не органическая, не отдѣлимая основа самой философіи «Общаго дѣла».

Въ произведеніяхъ послѣдователей Н. Ф. Федорова эта субъективная связь порвалась, и ученіе о задачѣ всеобщаго воскрешенія пріобрѣтаетъ совершенно не христіанскій характеръ, сохраняя подъ часъ всю видимость вѣрности церковной терминологіи и даже догматикѣ.

Можно не принимать ученій «московскаго Сократа», но нельзя уйти отъ проблемъ, поставленныхъ имъ, отъ того или иного отвѣта на нихъ. Не безъ основанія можно утверждать, что если бы сознаніе православной Россіи своевременно задумалось надъ вопросами, поставленными Н. Ф. Федоровымъ, поняло ихъ, какъ пророчество и предчувствіе, м. б., большевизмъ никогда бы не пріобрѣлъ маски «новаго слова о мірѣ», не овладѣлъ бы Россіей такъ глубоко. Большевизмъ, искаженно, дѣвольски искривленно пытается осуществить многое изъ того, что ставилъ въ качествѣ задачи для вѣрующихъ Н. Ф. Федоровъ.

Начиная съ этого номера «Вѣстникъ» напечатаетъ нѣсколько статей, посвященныхъ Н. Ф. Федорову и его ученію.

Биографія Н. Ф. Федорова, помѣщенная въ этомъ номерѣ, представляетъ пе-

репечатку (съ небольшими измѣненіями и сокращеніями) біографическаго очерка, составленнаго А. Остромировымъ, прило-

женнаго къ первому выпуску второго изданія «Философіи Общаго Дѣла». Харбинь. 1928 г.

По даннымъ документовъ, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ, Николай Федоровичъ Федоровъ родился между январемъ и апрѣлемъ 1828 года. Отцомъ его былъ одинъ изъ многочисленнаго рода князей Гагариныхъ, а матерью бѣдная и простая женщина, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, крѣпостная крестьянка, а по другимъ — плѣнная черкешенка.

Нѣтъ сомнѣній, что въ раннихъ впечатлѣніяхъ ребенка надо искать перваго порыва, перваго движенія сердца къ той задачѣ, что стала потомъ для взрослого святынею всей жизни. Сохранился листокъ, затерянный среди рукописей Федорова и озаглавленный «необходимое дополненіе». Тамъ значится:

...«Отъ дѣтскихъ лѣтъ сохранилось у меня три воспоминанія: видѣлъ я черный, пречерный хлѣбъ, которымъ (говорили при мнѣ) питались крестьяне въ какой-то, вѣроятно, голодный годъ. Слышалъ я съ дѣтства объясненія войны (на мой вопросъ о ней), которое привело меня въ страшное недоумѣніе: «на войнѣ люди стрѣляютъ другъ въ друга; наконецъ, узналъ я о томъ, что есть и не родные, чужіе, и о томъ, что сами родные — не родные, а чужіе».

Николаю Федоровичу дано было дворянское образованіе. Окончивъ въ 1849 году Тамбовскую гимназію, онъ поступилъ въ Одесскій Ришельевскій Лицей на камеральное отдѣленіе, откуда выбылъ, по неизвѣстной причинѣ, не окончивъ курса, въ мартъ 1852 г.

По разсказу Н. П. Петерсона, Николай Федоровичъ уже передъ самымъ окончаніемъ на одномъ изъ выпускныхъ экзаменовъ горячо поспорилъ съ профессо-

ромъ по какому то вопросу, послѣ чего на дальнѣйшіе экзамены не являлся. Можно думать, что молодой человѣкъ на положеніи незаконнорожденнаго княжескаго воспитанника не могъ не чувствовать двусмысленности своего положенія въ аристократической средѣ привилегированнаго учебнаго заведенія. Конечно, уже тогда въ юности онъ долженъ былъ мучительно задуматься надъ причинами неравенства, неродства и небратства «сыновъ человѣческихъ».

Выйдя изъ Лицея, Федоровъ покинулъ свою родину — Новороссійскій югъ — для среднихъ областей Россіи. Можно думать, что къ тому времени уже окрѣпло въ его душѣ стремленіе отдать все личное на служеніе «Общему Дѣлу». Потянуло «внизъ» къ народу. Съ 1854 г. по 1868 Федоровъ занимаетъ мѣсто учителя исторіи и географіи въ рядѣ захолустныхъ уѣздныхъ училищъ. Это скромное дѣло онъ исполнялъ съ идеальной добросовѣстностью. Много учениковъ на всю жизнь сохранили о немъ благодарные и благоговѣйные воспоминанія. Частыя перемѣны мѣстъ службы Николая Федоровича въ училищахъ вызывались невозможностью для него по окружавшимъ порядкамъ и обстоятельствамъ исполнять свой долгъ учителя съ той широтой и строгостью, которую онъ считалъ необходимой. Извѣстны случаи мужественной защиты имъ учениковъ передъ начальствомъ съ рискомъ самому лишиться мѣста. Онъ поставилъ себѣ также правиломъ дѣлиться всѣмъ, что имѣеть, съ нуждающимися учениками. Однажды, когда у одного ученика заболѣлъ отецъ, а лѣчить его было не на что,

Федоровъ отдалъ на леченіе свои деньги. Когда же больной умеръ, то, чтобы похоронить его, Федоровъ продалъ свой единственный виць-мундиръ, выручку отдалъ сиротѣ, а самъ явился на урокъ въ столь ветхой одеждѣ, что случившійся, какъ нарочно, въ этотъ день въ школь проѣзжій начальникъ, изумленный невозможнымъ костюмомъ преподавателя и возмущенный его отказомъ объяснить причину его неряшливости, потребовалъ его увольнения. Только благодаря инспектору училища, оставили на этотъ разъ страннаго «чудака» въ покоѣ.

Съ 1868 года Федоровъ переходитъ на службу въ Москву, сначала въ Чертковскую библіотеку, помощникомъ бібліотекаря, а затѣмъ въ Румянцевскій музей, дежурнымъ чиновникомъ при читальномъ залѣ, гдѣ проработалъ почти 25 лѣтъ. Незадолго до смерти, выйдя въ отставку, съ пенсіей (17 р. 50 к. въ мѣсяць), онъ вскорѣ снова началъ работать въ библіотекѣ Московскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Московскій періодъ жизни Федорова оставилъ по себѣ много слѣдовъ и воспоминаній. Доселѣ еще живутъ люди, близко его знавшіе. Изъ согласныхъ описаній рисуется образъ человѣка кристальной чистоты жизни и колоссальной умственной силы.

Всѣ, бывавшіе въ 70—80 годахъ въ Читальномъ залѣ, а позднѣе, въ такъ называемой «каталожной», помнятъ высокую, высохшую, слегка сгорбенную, но полную энергіи фигуру, одѣтаго въ ветхое рубище старика, въ глазахъ котораго сверкалъ страстный огонь цѣломудренной юности, на первый взглядъ суровый обликъ съ небольшою сѣдьющей бородкой, съ длинными рѣдкими серебристыми кудрями, съ могучимъ, спереди обнаженнымъ черепомъ, на кото-

ромъ мускулы и жилы вздымались буграми, какъ только напрягалась его оригинальная дума и лилась его глубокомысленная и остроумная рѣчь. Этотъ строгій человекъ, внушавшій сначала нѣкоторую боязнь, оказывался добродушнѣйшимъ, услужливѣйшимъ изъ людей, какъ только замѣчалъ въ посѣтителѣ бібліотеки или музея серьезный и живой интересъ къ какой бы то ни было отрасли знанія, которые всѣ были дороги и милы этому «всевѣдущему». Этому всевѣдѣнію скромнаго бібліотекаря не уставала удивляться многочисленная семья русскихъ писателей и ученыхъ.

Всѣ они, по словамъ П. Я. Покровскаго, пользовались его безпримѣрно богатыми знаніями во всѣхъ областяхъ науки и готовностью услужить каждому. Вотъ какъ обыкновенно завязывалось у работавшихъ въ библіотекѣ личное знакомство съ Н. Ф. Федоровымъ: «изучая тотъ или другой научный вопросъ, посѣтитель музея находилъ въ кифѣ потребованныхъ книгъ еще двѣ или три книги, которыхъ онъ совсѣмъ не требовалъ, о существованіи которыхъ и не подозрѣвалъ. А между тѣмъ, содержаніе этихъ неожиданныхъ книгъ прямо отвѣтило на поставленную имъ себѣ задачу. На вопросъ посѣтителя, кому онъ обязанъ присылкой этихъ книгъ, получался отвѣтъ: «Это вамъ прислалъ Николай Федоровичъ». Новыя книжки освѣщали вопросъ совсѣмъ съ новыхъ, неожиданныхъ и непредвидѣнныхъ точекъ зрѣнія. Вопросъ углублялся, изученіе затягивалось, требовались и присылались все новыя и новыя книги и, наконецъ, совсѣмъ зарывшійся ученый непремѣнно получалъ приглашеніе: «Васъ проситъ къ себѣ Николай Федоровичъ». Тутъ уже начиналась личная связь съ руководителемъ работы съ тѣмъ, чтобы потомъ уже никогда не прерываться и служить постояннымъ и

неисчерпаемымъ источникомъ не только для всесторонняго изученія тѣхъ или иныхъ спеціальныхъ вопросовъ, но нерѣдко для выработки и созданія цѣлаго міросозерцанія».

Н. Ф. Федоровъ былъ прямо исключительнымъ библіоманомъ и библіографомъ. Онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ, библіотеку Румянцевскаго музея. и очень часто для него легче и скорѣе было достать нужную книгу прямо съ полки, чѣмъ отыскивать ее при помощи каталога.

Приведемъ одинъ изъ ряда примѣровъ, для иллюстраціи удивительныхъ всеобъемлющихъ познаній Федорова. «Въ началѣ 90-тыхъ годовъ ѣхала партія инженеровъ на изысканіе Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути и, проѣзжая Москвой, заглянули въ Румянцевскій музей, конечно, для очистки совѣсти, и вовсе неувѣренные въ возможности найти здѣсь что-либо для себя новое и интересное. Въ подобныхъ случаяхъ, когда кто-нибудь обращался въ библіотеку съ просьбой указать книги по извѣстному вопросу или за какими нибудь совѣтами при книжныхъ занятіяхъ, его неизмѣнно направляли къ Николаю Федоровичу. Къ нему же привели и инженеровъ. Послѣ очень недолгаго разговора, инженеры услышали названіе такого описанія Сибири, о которомъ раньше и не подозрѣвали, а когда показали Николаю Федоровичу проектъ предполагавшагося пути, то онъ сразу замѣтилъ два упущенія на картѣ: въ одномъ мѣстѣ невѣрно была показана высота горы, а въ другомъ совсѣмъ пропущена большая ручей».

«Инженеры, хотя и не увѣренно, но все таки спорили и стояли за вѣрность своей карты. Однако, на возвратномъ пути, года черезъ два, партія прислала своего сочлена Николаю Федоровичу засвидѣтельствовать ему свое уваженіе и сказать ему, что онъ былъ безусловно правъ

Множество подобныхъ рассказовъ о Федоровѣ приходилось слышать отъ историковъ, юристовъ, филологовъ, медиковъ, техниковъ и т. д. Рассказываютъ, напримѣръ, о рядѣ случаевъ, когда у него заходилъ споръ о какой либо детали содержанія научной книги съ самимъ авторомъ этой книги и въ результатѣ всегда оказывалось, что Николай Федоровичъ помнилъ это содержаніе лучше, нежели самъ авторъ.

Въ иностранныхъ литературахъ, по каждой спеціальности, Федоровъ былъ также у себя дома, какъ и въ русской.

Между прочимъ, онъ превосходно разбирался въ китайской письменности и одно время очень ею увлекался.

Румянцевскій музей не мыслился отдѣльно безъ Николая Федоровича. Самые книжные богатства его библіотеки могли сохраниться лишь благодаря, составленному имъ, систематическому библіографическому каталогу. Случалось, что онъ покупалъ (рассказываетъ Е. С. Некрасова) на собственные, болѣе чѣмъ скудные средства, книги для музея, которыхъ тамъ не было, но которыя требовалъ кто нибудь изъ посѣтителей.

Принципіальный противникъ частной собственности въ области духовнаго богатства, Н. Ф. Федоровъ составленіе частныхъ библіотекъ находилъ желательнымъ только съ конечной цѣлью пополненія ими какой-нибудь общественной библіотеки.

По воскресеньямъ въ каталожную музей сходилась много знакомыхъ и друзей Федорова. Уже не книжныя занятія влекли ихъ сюда, но оживленныя рѣчи, цѣлыя диспуты, устраиваемые здѣсь подъ его руководствомъ, по его почину, или имъ самимъ. Легко и плодотворно было здѣсь черпать новое знаніе, или дѣлиться своимъ духовнымъ богатствомъ съ другими. Съ непринужденностью и смѣло-

стью сталкивались самыя противоположныя мнѣнія. Откровеніемъ высшей мудрости звучало умиротворяющее слово «учителя», способное вмѣстить разнообразіе направленій и объединить кажущіяся противорѣчія своею совершенно исключительной синтетической способностью.

Библиотека превращалась въ ученый клубъ и становилась умственнымъ центромъ Москвы. Формалистамъ это казалось досаднымъ нарушеніемъ правилъ и помѣхой официальному ходу «дѣла». Не разъ поднимался вопросъ о воспрещеніи, но каждый разъ Николай Федоровичъ отстаивалъ введенную имъ вольность: въ этомъ случаѣ онъ не колебался ставить на карту собственное служебное положеніе и поднималъ вопросъ объ отставкѣ. Но отставки отъ него, разумѣется, не принимали, слишкомъ хорошо зная его незамѣнимость.

Не разъ начальство музея предлагало ему повышеніе по службѣ, но Федоровъ настойчиво отказывался, даже обижался. Передаютъ, что онъ особенно дорожил ничтожностью получаемой имъ суммы жалованія (менѣе 400 р. въ годъ), такъ это было связано съ невключеніемъ въ списки привлекаемыхъ къ участию въ судѣ присяжныхъ засѣдателей, что для Федорова было тягостно и нежелательно.

Какъ протекала жизнь Федорова внѣ музея?

Онъ занималъ маленькую, за шесть рублей въ мѣсяцъ комнату, или уголь, спалъ всегда на голомъ, горбатымъ сундукѣ, положивъ подъ голову какой нибудь твердый предметъ. Спалъ не болѣе 4—5 часовъ въ сутки. Ни подушки, ни матраца, ни шубы. Онъ не признавалъ другого платья, кромѣ сильно поношеннаго и служившаго до тѣхъ поръ, пока оно не превращалось въ лохмотья (незнакомымъ случалось на улицѣ принимать его за нищаго). Никакой обстановки. При каж-

домъ перемѣщеніи его съ квартиры раздавались послѣднія жалкія вещи, даже, по возможности, книги. Никогда ни одной копейки затраты на развлеченія, на малѣйшее удобство, ни даже на извозчика, даже въ суровую погоду, хотя бы при нездоровьи. Питался чаемъ съ баранками, да кусочками стараго сыра или соленой рыбы. По долгимъ мѣсяцамъ жилъ безъ горячей пищи. Одинъ изъ квартирохозяевъ Николая Федоровича, по профессіи кухмистеръ, постоянно спрашивалъ у друзей Федорова, посѣщавшихъ его: «онъ кушаетъ у васъ? У меня онъ ничего не беретъ».

Иногда друзья почти насильно поселяли его гдѣ-нибудь подъ Москвой на лонѣ природы, нанимали ему комнату, просили хозяина давать на обѣдъ два блюда, покупали подушку и постель. Приѣзжали черезъ недѣлю и находили комнату пустой; подушки и постель уже отданы кому нибудь. Николай Федоровичъ опять спитъ на голыхъ доскахъ, а хозяинъ сообщаетъ: «не велитъ давать два блюда, даю одно».

Немудрено, что при такомъ отношеніи къ себѣ, у Николая Федоровича изъ мѣсячнаго бюджета оставалось болѣе половины «остатковъ», которые всѣ шли на помощь просившимъ и не просившимъ. Часть получаемыхъ денегъ онъ раздавалъ служителямъ Румянцевскаго музея, считая жалованіе ихъ недостаточнымъ. Кромѣ того, каждое 20-ое число въ передней музея Федорова ожидали какіе-то никому неизвѣстныя лица: ихъ называли «стипендіатами» или «пенсіонерами» Николая Федоровича. Онъ какъ бы не зналъ, что дѣлать съ такимъ богатствомъ, какъ 30 руб. и, если въ рукахъ его были три десятки, то не мѣнялъ и раздавалъ десятками. Была въ немъ по разсказу В. А. Кожевникова, какая то боязнь денегъ, какъ чего то ядовитаго, заразнаго и мерзкаго. «Какъ

ихъ ни тратъ, а онѣ все остаются, проклятыя», восклицалъ онъ съ неподдѣльнымъ испугомъ, когда находился какойнибудь грошъ въ карманѣ, ничего столь не опасаясь, какъ такого остатка послѣ смерти. Соблазнъ богатства, роскоши, комфорта, денегъ и вещи, даже самой облагороженной, напримѣръ, произведенія искусства, въ смыслѣ собственности не имѣлъ надъ нимъ никакой силы.

Очень характерны отношенія Николая Федоровича къ Льву Николаевичу Толстому. О стычкахъ Толстого съ Федоровымъ ходитъ много рассказовъ (иногда легендъ). Одно изъ первыхъ столкновений между ними относится еще къ началу 80-хъ годовъ. Федоровъ остановилъ вниманіе великаго писателя на книжныхъ сокровищахъ музея. Толстой, бывшій тогда въ разгарѣ разочарованія въ своей литературной дѣятельности и цѣнности литературы вообще, хладнокровно произнесъ: «Мало ли пишутъ глупостей, слѣдовало бы все сжечь». Федоровъ, точно ужаленный, схватился за голову: «Много я видалъ на свѣтѣ глупцовъ, а такого еще не видалъ». Такъ (по одной версіи) отвѣтилъ онъ автору «Войны и Мира». Толстой былъ сконфуженъ.

Федоровъ сначала бывалъ у Толстого, когда тотъ жилъ въ Москвѣ, но потомъ пересталъ бывать. Объяснялъ это неловкостью, которую онъ ощущалъ, видя Толстого и его семью, сидящими за разными обѣденными столами. «Вы травоядный, — говорилъ Федоровъ, — я тоже могу ѣсть траву. Но, когда мы ѣдимъ траву, то этимъ какъ будто обличаемъ нашихъ домашнихъ, которые ѣдятъ мясо, а ваши домашніе обличаютъ насъ». Онъ видѣлъ во всемъ этомъ фальшь и уклонялся отъ посѣщенія Толстого на дому.

Мѣткую характеристку Федорова далъ близко стоявшій къ нему Н. Н. Черногоубовъ (бывшій хранитель Третьяков-

ской Галлерей). «Онъ былъ совершенно лишенъ литературной красоты. Свои необычайные мысли излагалъ почти мужицкимъ языкомъ. Его книга самая не литературная, потому, что самая убѣжденная, серьезная.

«У него была — клиническая сухость. Человѣчество — больной. Надо вылечить, вызволить. Диагнозъ поставить. Кокетства не признавалъ. Какой-то не нашъ былъ. Мощь, энергія, а главное, юношескіе огненные глаза... Маша, прислуга, говорила: «Вотъ опять пришелъ этотъ старикъ со страшными глазами». Былъ великій фанатикъ. Любимое изрѣченіе его было: «Дѣла, которые Я творю и вы сотворите и больше сихъ сотворите»... Любилъ дѣтей и имѣлъ обыкновение носить имъ шоколадки... Но не былъ ни догматикомъ, ни кокетомъ. Одна простота, когда говорилъ, такъ волновался, что трудно представить его процессъ писанія».

Въ качествѣ коренной, опредѣляющей черты въ существѣ Федорова — надо отмѣтить его чрезвычайную, почти болѣзненную скромность, постоянное желаніе остаться въ тѣни, неизвѣстнымъ, незамѣтнымъ.

При жизни онъ печаталъ очень мало, всегда безъ подписи, и большею частью въ незамѣтныхъ газетахъ и журналахъ. Писалъ, обыкновенно, ночью, при свѣтѣ жестяной лампочки. И скрывалъ это. Только немногіе, близкіе къ нему люди, знали, что онъ пишетъ. Писалъ на клочкахъ бумаги, безсистемно. Видимо мысли его лились широкой волной и рука не успѣвала записывать всего.

Въ силу той же скромности Федоровъ никогда не позволялъ себя фотографировать. Мы не имѣли бы никакого изображенія мыслителя, если бы не хитрость его друзей. Они уговорили извѣстнаго художника Л. О. Пастернака, близко зна-

комаго съ Федоровымъ, нарисовать его украдкой. Пастернакъ рассказывалъ М. С. Панкратову, какъ онъ ходилъ въ библіотеку, обкладывалъ себя книгами, дѣлалъ видъ, что читаетъ, а самъ изрѣдка, что бы не возбудить подозрѣнія, кидалъ взгляды на Федорова и набрасывалъ его портретъ.

Такъ построилъ жизнь свою мудрецъ-праведникъ. Еще понятно было бы если бы подобный образъ жизни прямо вытекалъ изъ его ученія: слово не расходилось съ дѣломъ. Но этого какъ разъ нельзя сказать безъ оговорки. Дѣло въ томъ, что у ч е н і е Федорова гласило о полнотѣ жизни, онъ вооружался противъ аскетизма, настойчиво подчеркивая его недостаточность, односторонность, безсиліе, равнымъ образомъ говорилъ о тщетѣ частной и денежной благотворительности. Получается своеобразное противорѣчіе писаній и жизни, обратное тому, какое было у Толстого.

Ни мало не проповѣдуя и никому не навязывая своего образа жизни, самъ Николай Федоровичъ, органически не могъ жить иначе. И въ смерти онъ всецѣло остался вѣренъ себѣ. — Его закаленный организмъ не зналъ болѣзней. Но однажды въ суровую декабрьскую стужу, друзья философа почти насильно

заставили его надѣть теплую шубу и посадили на извозчика; въ результатѣ простуда, воспаленіе легкихъ, Федоровъ слегъ въ Маріинскую больницу. Последніе сутки онъ былъ въ забытіи. Агонія была тяжкая и длительная. Но до этого онъ много говорилъ, хотя и съ трудомъ уже, съ посѣщавшими его друзьями, несмотря на запрещеніе врачей разговаривать. Онъ скончался безъ сознанія часовъ въ 6 утра, 15 декабря 1903 года.

Тѣло Николая Федоровича было предано погребенію на кладбищѣ Скорбященскаго женскаго монастыря, въ настоящее время подвергшемся сильному разгрому, и, какъ и всѣ кладбища, находящіеся въ предѣлахъ черты Камеръ-коллежскаго вала, предположенномъ къ превращенію въ увеселительные сады и уже частично застроенномъ подъ рабочій городокъ. Тамъ можно и сейчасъ — въ самомъ дальнемъ углу кладбища, — разыскать его могилу. Убогій деревянный крестъ, сломанный въ 1918-20 году, въ 1923 году замѣненъ чернымъ чугуннымъ. Накладное распятіе сбито и сброшено. На дощечкѣ помѣщены имя, отчество и фамилія, даты смерти и рожденія.

На перекладинѣ креста сдѣлана надпись: «Христось Воскресе».

## « Шагай новый человекъ ».

(Попытка созданія «пролетарской школы»)

(Окончаніе).

### ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ — РАЗОЧАРОВАНІЕ

Обработаніе Высшей школы было достигнуто, но такой цѣной, что пришлось призадуматься... «Директива партіи о введеніи въ вузахъ въ ближайшіе годы рабочаго ядра до 70 проц. въ основномъ выполнена, разверстка комсомола на 5.000

рабоче-батрацкаго молодняка перевыполнена... но основнымъ недочетомъ въ этой работѣ является слабая академическая подготовленность поступающихъ. Нѣкоторые товарищи, посланные въ счетъ 5.000, по винѣ мѣстныхъ организацій, отстаютъ въ своей учебѣ и вынуждены наряду съ прохожденіемъ основнаго курса